

Мой отец, Федор Алексеевич Страхов, к сожалению, никогда ничего не записывал о своих встречах с Л. Н. Толстым. Но однажды, уже незадолго до своей смерти, он сдался на мои просьбы и согласился рассказать мне, что сохранилось у него в памяти об этих встречах. В долгие зимние вечера в деревне, сидя у топившейся печки, он неторопливо вел свой рассказ. Я в тот же вечер записывала, а на другой день он проверял и исправлял мои записи. Воспоминания эти коротки и отрывисты. Позднее я присоединила к ним мои собственные воспоминания о Льве Николаевиче, которого мне посчастливилось довольно часто видеть в детстве и юности; это не более, как воспоминания девочки. Помнить его я начала с пятилетнего возраста, а в последний раз я видела его в Ясной Поляне всего за три недели до его ухода из дома.

Познакомился отец со Львом Николаевичем в начале 80-х годов прошлого столетия. Сам отец из деликатности не решился бы, пожалуй, на посещение Толстого, но один из его товарищей по университету (он был тогда уже на 4-м курсе юридического факультета), некто Клобский, настоял на этом визите и свел отца в Хамовнический переулок.

«Федор Алексеевич никогда больше не отдалялся от Льва Николаевича, который всегда дружески относился к нему. И я верю, что благодаря Льву Николаевичу в его жизни было гораздо больше счастья, чем определено на судьбу человека».

Так закончила свои воспоминания сестра моего отца Лидия Алексеевна Авилова.

Наталья
СТРАХОВА

ТАКИМ

Я ЗАПОМНИЛА ЛЬВА

Л. Н. Толстой всегда относился к моему отцу с самым теплым, дружеским чувством. В своих дневниках он отмечает даты его посещений Ясной Поляны. «Здесь Страхов Ф. А., весь ясный, я люблю его», — пишет он 12 июля 1900 г. (т. 54, стр. 32. Юб. изд.). И в другой раз: «...нынче, 28-го уезжает Страхов, который мне всегда приятен» (из письма Л. Н. Толстого от 28 апреля 1905 г., т. 84, стр. 372) и т. д.

Нечего и говорить, как относился отец к Льву Николаевичу. Он был готов отдать за него жизнь. Во всех своих сомнениях, раздумьях, огорчениях он обращался к Льву Николаевичу за советом и поддержкой, и Лев Николаевич всегда живо на все откликался. Кроме того, отец делился со Львом Николаевичем планом своих работ, посылал ему на отзыв свои статьи и книги, и Лев Николаевич давал на них свою критику, в большинстве случаев одобрительную, а иногда даже восторженную.

Далее я приведу несколько отрывков из воспоминаний отца о Льве Николаевиче, которые я знаю из его рассказов.

Лев Николаевич заходил к Страховым в их дом на Плющихе. Однажды он пришел к ним на масленицу и попал на блины. Все вскочили со своих мест, стала его усаживать и угощать. Но он отказался от блинов и поднялся вверх, чтобы побеседовать с отцом.

Младшие братья моего отца, не зная, что Лев Николаевич туда придет, подняли в одной из комнат возню и драку. Лев Николаевич остановился и стал за ними наблюдать. Отец, следовавший за ним и напрасно старавшийся унять братьев, хотел увести Льва Николаевича в свою комнату.

— Подождите, Федор Алексеевич, — сказал Лев Николаевич. — Я хочу только досмотреть, чем кончится драка.

В другой раз, проходя по Плющихе, Лев Николаевич заметил, что где-то близко вспыхнул пожар. Забеспокоившись, не у Страховых ли горит, Лев Николаевич зашел к ним, но никого дома не оказалось, все сидели на крыше ближайшего сарая и наблюдали оттуда за пожаром. Тогда и Лев Николаевич полез на крышу и присоединился к наблюдавшим. Пожар уже кончился, а они все сидели и разговаривали. Публики набралось довольно много, и она начала уже расходиться, как кто-то вдруг узнал Льва Николаевича.

— Смотрите, Толстой! Толстой! — раздались вдруг возгласы.

Тогда Лев Николаевич заторопился, слез с крыши и вошел в дом вслед за остальными.

Иногда он приводил своего младшего, любимого сынишку Ванечку, который вскоре умер.

Один раз Лев Николаевич, как всегда, легко вбежал на ступеньки крыльца, наверху которого стояли вышедшие к нему навстречу хозяева. А маленький Ванечка, поспешивший за отцом, вдруг споткнулся, покатился вниз со ступенек и громко заплакал. Лев Николаевич бросился к нему, поднял, поставил на ноги и, чтобы утешить его, стал громко и весело смеяться ему прямо в лицо. Смех подействовал заразительно. Ванечка перестал плакать и тоже рассмеялся. С большой нежностью и лаской обращался Лев Николаевич со своим маленьким сыном.

Как-то раз, придя навестить моих родителей на Плющиху, Лев Николаевич недобрительно отозвался о докторе Д. С. Трифановском.

Лев Николаевич всегда был очень точен и аккуратен и старался вовремя поспевать домой к обеду. На этот раз он тоже спешил, попрощался и ушел. Поэтому мои родители очень удивились, увидя в окно, что Лев Николаевич поспешно возвращается к ним обратно.

— Лев Николаевич, вы что-нибудь забыли? — обратились они к нему, открыв ему вторично дверь.

— Да, забыл. — ответил он поспешно. — Бога забыл. Вот осудил человека, а это нехорошо. Пришел вам сказать, что беру свои слова обратно. Он, может быть, и нехороший человек, а я-то гораздо хуже его.

По поводу чтения «Воскресения» отец вспомнил, что однажды (это было в апреле 1895 года) Лев Николаевич зашел к ним на Плющиху, весь под впечатлением суда, на котором он только что присутствовал. «Там был товарищ прокурора, — рассказывал Лев Николаевич, — который все бегал по коридору такой подпрыгивающей походкой. Дайте мне что-нибудь, похожее на портфель, и я изображу вам, как он ходил».

Ничего более подходящего под руками не оказалось, и Льву Николаевичу была предложена салфетка. Он взял ее и, делая вид, что держит портфель, стал раскачивать по комнате смешной прыгающей походкой.

Этого-то товарища прокурора он и описал позднее в одной из глав «Воскресения».

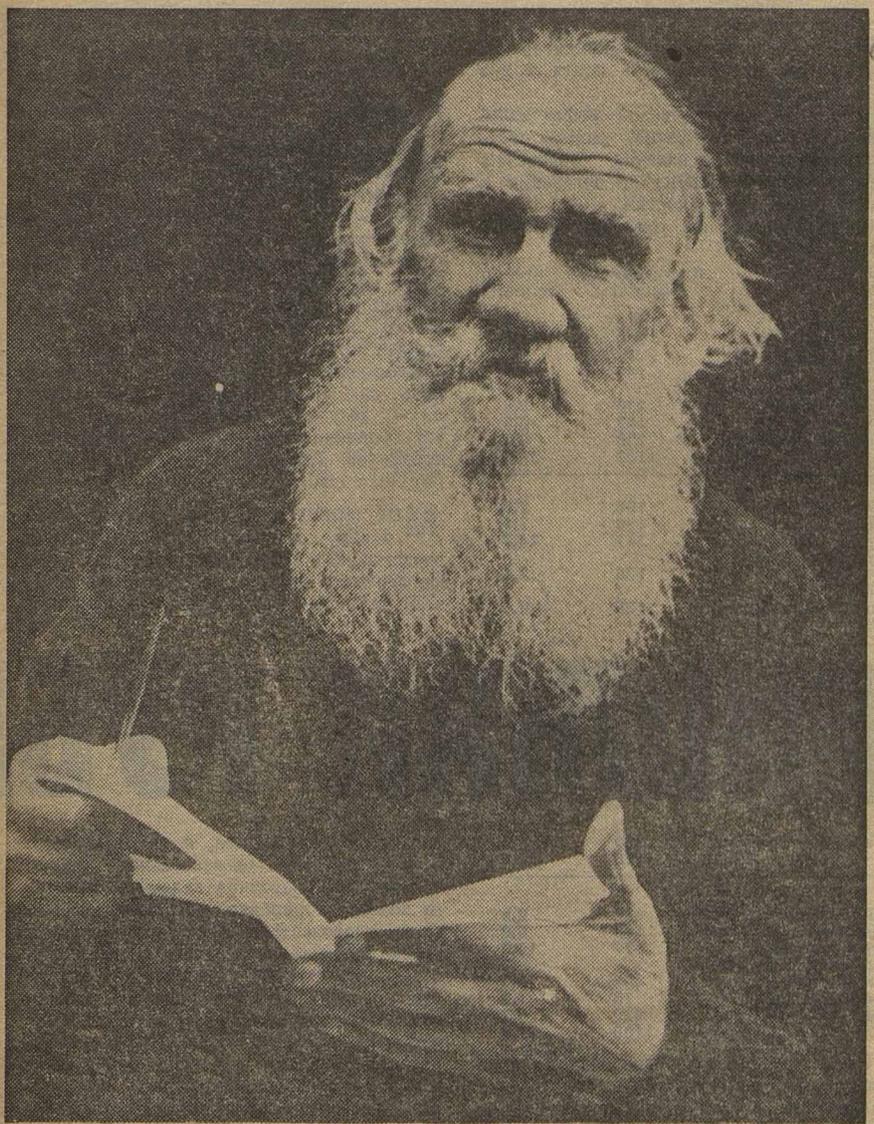
Вспоминал также отец, как они в то далекое время мылись однажды со Львом Николаевичем в одной из московских бань.

— Лев Николаевич! Какой вы худой! — воскликнул отец, когда они разделлись.

— Вот и хорошо! Червям меньше достанется! — весело отозвался Лев Николаевич.

Родители мои любили иногда прогуляться по тихим московским улицам. Как-то раз, выйдя подышать свежим воздухом, они встретили Льва Николаевича, который шел пешком по направлению Большого театра, навстречу Софье Андреевне. Они пошли его провожать. По дороге, между прочим, зашел разговор о том, какие у кого слабости и соблазны. Моя мать призналась, что очень любит лошадей и ни для чего другого она не хотела бы быть богатой, как из-за возможности держать лошадей. Лев Николаевич, смеясь, признался в той же слабости, и они очень посочувствовали друг другу.

Однажды пришел к нам Лев Николаевич и, усевшись на диван и подогнув под себя по своей привычке ногу, привлек меня к себе. Из небольшого листка бумаги он сделал мне чудесного петушка, который мог двигаться головой и крыльями. Моему восторгу не было границ, но, к моему удивлению, мама, после ухода Льва Николаевича, сразу же убрала у меня

моего петушка и спрятала его в шкаф. И только изредка она извлекала его оттуда, чтобы показать знакомым. «Этого петушка сделал Л. Н. Толстой», — говорила она и убирала его в шкаф. Долгое время жила у нас эта замечательная игрушка.

Другое мое детское воспоминание о Льве Николаевиче относится примерно к тому времени, когда мне еще не было шести лет (1897 год).

В одно прекрасное солнечное утро ранней весной я убежала с урока, который давала мне мама, выскочила во двор и остановилась в воротах. Мимо наших ворот по Божениновскому переулку неспешно шли прохожие и между ними знакомый мне, милый и хороший дедушка с длинной белой бородой, в черном полушубке и круглой шапочке на голове, тот самый, который всегда был так ласков со мной и сделал мне такого замечательного петушка. Конечно, я не знала точно, кто он, но мне было достаточно того, что мои родители любят его и что он добрый и хороший. Узнав меня, он улыбнулся и снял, приветствуя меня, свою шапочку. Я тоже сорвала с головы свой полосатый берет и поздоровалась с ним.

— Куда ты идешь, дедушка? — закричала я. — Возьми меня с собой!

Он охотно согласился, и мы, не торопясь, спокойно и дружно пошли с ним по Божениновскому переулку, затем по Дашкову, вышли на Зубовский бульвар и повернули направо. О чем мы говорили дорогой — этого я ничего не помню. Одно сохранилось у меня в памяти: это чувство дружелюбия, спокойной ласки и какого-то удивительного, очень серьезного отношения ко мне, как будто не пятилетний ребенок семенил своими ножками рядом с его большими ногами, а шел взрослый, равный ему человек. Так мы дошли до конца Зубовского бульвара, и тут, на левой его стороне, Лев Николаевич позвонил у двери одного из домов. Дверь открылась, показавшись горничная. Лев Николаевич подал ей в руки письмо и повернулся, чтобы идти в обратный путь.

— Теперь я хочу видеть, где ты живешь! — заявила я.

Он опять согласился и повел меня к себе, в Хамовнический переулок. Сначала он оставил меня во дворе, где играли его дети, а затем провел меня в дом, усадил за стол и распорядился, чтобы меня накормили. Когда я поела,

он сам, никому не поручая, проводил меня до дому и сдал с рук на руки моим родителям. Быть может, он думал, что они беспокоятся, и хотел сам их успокоить.

Так оно и было. Меня уже повсюду искали. Дворник сказал, что видел, как меня увел «какой-то старик».

— Как старик! Какой старик?

— Да так, простой какой-то старик, в полушубке.

Время шло, и беспокойство росло. Но в этот момент появился Лев Николаевич и привел за руку их сбжавшую дочку. Нечего и говорить, что все кончилось хорошо и радостно.

У моего отца был близкий приятель В. Ф. Орлов, учитель по профессии, человек чрезвычайно интересный и замечательный, которого и Лев Николаевич очень любил.

«Однажды, — рассказывал отец, — Лев Николаевич с Орловым собрались идти пешком на Воробьевы горы. С ними вместе напросился идти и старший сын Льва Николаевича, Сергей, который был тогда подростком. Льву Николаевичу очень хотелось побыть наедине с Орловым, с которым он любил поговорить по душам, но и сына обидеть он не хотел. Сначала он было нахмурился, но, увидев, что сын надевает ошейник на свою собаку, намереваясь взять ее с собой, просил и ничего не сказал. Пошли пешком все троим по Девичьему полю и Большой Царицынской (ныне Пироговской). Собака бежала с ними. Дошли до переезда через Москву-реку; надо было садиться в лодку, но оказалось, что перевозить собак не разрешается. Волей-неволей Сергею пришлось остаться, чтобы отвести собаку домой. Когда он ушел, Лев Николаевич сел в лодку, улыбнулся сидевшему рядом с ним Орлову и сказал: — А я ведь знал, что перевозить собак не разрешается».

В 1897 году мои родители переехали на родину моей матери в Донскую область. Свидания отца с Толстым стали реже — только тогда, когда отец специально предпринимал поездку в Москву или в Ясную Поляну, чтобы с ним повидаться. Но зато в это время началась их переписка. Отцу было

очень тяжело расставаться со Львом Николаевичем. Он привык делиться с ним всеми своими мыслями и чувствами. Теперь он все это стал переносить на бумагу. В Яснополянском архиве сохранились письма, написанные характерным крупным отцовским почерком и копии 10 писем Льва Николаевича к отцу, которые вошли в Полное собрание сочинений Толстого.

За девять лет, которые мои родители прожили в ст. Урюпинской Донской области, у них было так много невзгод, огорчений и тяжелого горя, что отцу было действительно чем поделиться со своим великим другом. Умирали дети, тяжело болела жена, преследовали власти, производились обыски, было заведено даже целое дело по обвинению отца в богохульстве в связи с тем, что была найдена статья, в которой отец высказывался против догмата божественности И. Христа. Дело это было прекращено, но одно время было похоже на то, что отца сошлют в Сибирь. И, наконец, через несколько лет, когда мне уже было лет 12—13, местный благочинный послал в С.-Петербургскую духовную консисторию доклад на моих родителей о якобы незаконном их браке и о том, что грозило расторжением их брака и ссылкой отца в Соловецкий монастырь на покаяние. На самом деле у них было даже не родство, а свойство 4-й степени.

На все эти события и тяжелые переживания отец всегда получал самые сочувственные отклики Льва Николаевича. Выдержки из этих писем я привожу ниже.

1900 г., февраля начало. Москва. Дорогой друг Федор Алексеевич, Сейчас получил и прочел Ваше письмо и изахотелось поскорее написать вам. А то отложишь и не успеешь, а мне очень хочется сказать вам, что я очень люблю вас и жалею о том, что вы так тревожитесь: хотя и понимаю, что так должно быть. Жалею больше

Здороваясь со мной, он улыбнулся и сказал, повернувшись к отцу:

— А ведь я забыл, как ее зовут! — Как же вы забыли, Лев Николаевич! — ответил отец. — Ведь мы ее назвали в честь Наташи Ростовской.

— А, вот как! — улыбнулся Лев Николаевич. — Теперь вспомнил. — Он показал мне в окно на снежные горы. — Нравится тебе?

Обратившись к отцу, он сказал, что окружающая его красота природы как-то по-особенному действует на него. Они заговорили о чем-то своем, взрослом, серьезном, малопонятном для меня. Но вскоре надо было кончать. Мы простились со Львом Николаевичем. Дочь его (кажется, Татьяна Львовна) угостила нас завтраком в зале, мы снова сели в коляску и уехали.

В течение летних месяцев целого ряда лет отец часто посещал Ясную Поляну. Бывал у Льва Николаевича иногда и в другое время года. Общение со Львом Николаевичем было настоящей потребностью его души.

Но их связывали еще и чисто деловые отношения. В 1905 г. Лев Николаевич попросил отца помочь ему править гранки печатающегося тогда «Круга Чтения» и выполнять другую техническую работу по составлению этого сборника, за что отец и принял с большим рвением.

По выбору Льва Николаевича в «Круг Чтения» вошло много мыслей отца (около пятнадцати) по различным вопросам нравственности и философии, а также два больших отрывка в Недельных чтениях — «Единение» и «Раум».

Из писем того времени отца к Льву Николаевичу видно, как много времени и сил уделял отец этой работе.

* * *

Чертковы поселились в нескольких километрах от Ясной Поляны, занима-

Вот что я записала в дневнике того времени:

«Лев Николаевич поиграл в саду в теннис и, придя наверх, предложил мне поиграть с ним в комнатный волейбол. Я никогда не играла в эту игру, была смущена, волея летела мимо, но Лев Николаевич только добродушно смеялся. Комнату (столовую), в которой мы находились, много раз описывали и снимали. Большая, светлая, с окнами в двух противоположных стенах, с большим обеденным столом посредине. У окон стояли другие столы, заваленные книгами, газетами и журналами, — это была ежедневная корреспонденция, которая приходила со всех сторон света и на всех языках.

Вечером собралась молодежь. Стали петь хором под аккомпанемент гитары. Потом упросили Анну Ильиничну (внучку) петь цыганские романсы. Только что запела она приятным низким голосом в стиле Веры Паниной, как послышались шаги по коридору. Какая-то из дочерей вскопчила и с криком: «Чертков идет!» — выпрыгнула в окно. С визгом и смехом за нею бросились другие молодые девушки. В комнату вошли: Лев Николаевич, Чертков и отец. Смеясь и шутя, все стали влезать в окно обратно.

— Напрасно, напрасно прекратили пение — я очень люблю цыганские романсы, — сказал Лев Николаевич.

— Да мы не от вас, мы от Черткова, он их терпеть не может, — оправдывались мы.

По просьбе Льва Николаевича устроили хоровое пение, затем брат А. К. Чертковой И. К. Дитерихс спел кавказскую песенку.

На другой день я немного заболела — простудилась, — и добрый доктор Д. П. Маковицкий трогательно ухаживал за мной».

Помню еще один эпизод из этой по-

качал головой. — Зачем же вы пишете стихи? Ведь если вы хотите что-нибудь сказать людям, то должны стремиться к тому, чтоб сказать это как можно яснее и проще. А тут вы связаны размером и рифмой. Напрасно, напрасно!..

— Она знает много стихов. Пусть она прочтет вам что-нибудь современное, — продолжала мама, а моя досада разгоралась все больше и больше. Я просто не знала, куда деваться.

— Прочтите, — сказал Лев Николаевич. А отказать ему, когда он просил, было просто невозможно, я не сумела это сделать. Я начала что-то читать из А. Блока. Это было просто ужасно. Лев Николаевич слушал и неодобрительно качал головой.

Кружок возле Льва Николаевича становился все тесней и тесней. Каждый стремился подойти к нему, послушать его, спросить у него о чем-нибудь.

Мало-помалу все перетянулись к нему, в том же конце столовой, где была София Андреевна, стало как-то пусто. Это заметно стало раздражать ее.

— Что это вы слушаете одного старика! — воскликнула она громко. — Не понимаю, ну что вы находите в этом интересного!

И такая в ее голосе звучала досада, неодобрение, раздражение.

За обедом я сидела рядом со Львом Николаевичем. Помню, что ему принесли сырое яйцо, которое он разбил себе в суп. Вместо коровьего молока он пил миндальное, жевал медленно, по-стариковски. В то время ему шел 81-й год.

Есть прелестная фотография, изображающая Льва Николаевича верхом на лошади. Он побывал в гостях у Чертковых, попрощался и отъезжает от дома. У крыльца стоят отец и мать. Отец поднес руку к шапке. Он только что надел ее после прощального приветствия, но Лев Николаевич задержался и круто повернул лошадь.

— Приезжайте сегодня вечером к нам, — говорит он маме. — У нас сегодня будут играть музыканты из Тулы.

— Лев Николаевич! А меня вы не приглашаете? — спрашивает отец с шутливым упреком.

— Само собой разумеется, куда голова, туда и ноги, — шутит Лев Николаевич.

— А кто из нас голова, кто ноги? — продолжает в том же духе мама.

Но Лев Николаевич только смеется и отъезжает.

Фотография эта относится к ранней весне 1909 года.

* * *

6 октября 1910 г. отец собрался в Ясную Поляну, чтобы повидаться со Львом Николаевичем, и взял меня с собой.

Визит наш был очень кратким и окончился последним. Это было всего за три недели до ухода Льва Николаевича из дома.

Я ничего не знала тогда о тяжелой драме, которую переживал в то время Лев Николаевич. Но отец кое что знал об этом из рассказов друзей.

Когда мы приехали в Ясную, Лев Николаевич занимался у себя в кабинете, и мы должны были подождать до конца его занятий. Казалось, что в доме никого нет, такая была тишина и пустота. Нас провели в комнату для гостей, знаменитую комнату со сводами, и мы долго там сидели в ожидании, когда нас позвонит.

Из окна был виден осенний пейзаж, цветник с завялыми астрами и гербариями. По дорожке неспешно ходила София Андреевна, от времени от времени наклоняясь к цветущим клумбам.

Мы стояли с отцом у окна, и он потихоньку рассказывал мне, какое тяжелое настроение царит сейчас в семье Толстых, какое непонимание, какая пропасть образовалась между Софией Андреевной и Львом Николаевичем и как он от этого страдает.

Нас вскоре позвали наверх, и Лев Николаевич вышел к нам. Он показался мне ослабевшим физически, постаревшим и каким-то прихитшим. Мы не стали долго его беспокоить нашим присутствием и вскоре уехали.

Больше мы не видели Льва Николаевича.

Отец выехал к нему в Астапово, но уже не застал в живых и узнал о его смерти в вагоне по пути туда. Он проследовал в Ясную Поляну на похороны.

ТОЛСТОГО

всего милую Любовь Федоровну. По моему мнению есть 999 вероятий против одного, что из вашего дела ничего не выйдет... Я понимаю ваше беспокойство под влиянием раздражающих условий маленького кружка, но думаю, что надо и вам и Любовь Федоровне преодолеть это. Суд это есть то самое, что вам предназначено, и вам надо смотреть на него не как на случайную неприятность, а как на экзамен, к. приятно хорошо выдержать. И я знаю, что вы его хорошо выдержите. Целую вас, привет Л. Ф. Наташу целую, равно как и ее сестру.

Любящий вас Л. Толстой.

* * *

В 1901 году тяжелая болезнь Льва Николаевича едва не унесла его в могилу. Ему шел уже 74-й год, и на выздоровление рассчитывать было трудно. По совету докторов Лев Николаевич в сопровождении своих домашних был отправлен в Крым, в Гаспру, на виллу графини Паниной, которая любезно предложила семейству Толстых расположиться в своем доме. В начале 1902 года ему стало значительно лучше, и желание повидать Льва Николаевича сделалось у отца настолько сильным, что он запросил у Софии Андреевны разрешение на проезд. София Андреевна разрешила. Поездка в Крым таким образом была решена. К моей большой радости, отец предложил мне поехать вместе с ним. Мы выехали в мае 1902 года. Мне было в то время 10 лет.

На большой и красивой даче на самом берегу моря нас радушно встретила София Андреевна и дочери Льва Николаевича, но сам Лев Николаевич в это время спал, и нам предложили подождать его пробуждения. Мы решили пока погулять в парке и по беломраморным ступеням спустились к морю. Вскоре Лев Николаевич проснулся, и нас позвали к нему, предупредив, чтобы мы недолго у него оставались, т. к. он еще слаб.

Дверь из огромной столовой вела прямо к нему в спальню. Он лежал на постели направо от двери, а прямо перед дверью было окно и видна была снежная горная вершина Ай-Петри.

Лев Николаевич ласково с нами поговорил. Он был слаб и худ и еще не вставал с постели.

ли два дома у них, как всегда, жило множество народу. Мы познакомились с хозяевами (отец и раньше был с ними знаком), женой Черткова Анной Константиновной — всегда больной, худенькой, приятной женщиной, сидящей в кресле с пледом на коленях, а также с ее сыном, Димой, юношей лет 18-ти, и со всеми домочадцами. Вскоре нас проводили в отведенное нам помещение, в другой дом, чтобы дать моим родителям отдохнуть с дороги. Заинтересовавшись разложенными в соседней комнате книгами, я только хотела приняться за чтение, как раздались чьи-то голоса под окнами, и я увидела В. Г. Черткова, входившего на крыльцо с каким-то стариком. Я не знаю, как вышло, что я сразу его не узнала? Конечно, я не ожидала его увидеть так скоро и в этом месте. Но отец радостно бросился ему навстречу, и я поняла, что это был Л. Н. Толстой. Все собрались в угольной комнате, пришло много народу.

Лев Николаевич заехал к Черткову только на несколько минут, возвращаясь с прогулки. Он посидел немного с нами, рассказал о том, что помнит этот дом давным-давно. Владелец его, помещик Кулешов, будучи, вероятно, нетрезвым, сам поджег себя и заживо сгорел в своей постели.

Дружески поговорив так несколько минут, Лев Николаевич встал, заявив, что должен ехать. Он отклонил просьбу Черткова остаться на вечернее собрание. Мы пошли провожать его до другого дома через старый сад с огромными деревьями. Помню, с какой легкостью перепрыгнул он в одном месте через забор, вместо того чтобы, как все, обойти его кругом. Прощаясь, он протянул мне большое яблоко, сказав, что оно из яснополянского сада. Ему подали его красивую лошадь — Делира, на которого он легко и молодо вскочил. Мы смотрели ему вслед, пока он не скрылся из глаз. Мы тревожились за него и удивлялись его молодости. В это время ему было 79 лет.

Через день мы поехали в Ясную Поляну, где и провели три дня, кочуя вниз, в комнату со сводами, которую изобразил Репин.

ездки: отец сказал Льву Николаевичу, что я учусь английскому языку, и он, чтобы прозакантовать меня, открыл лежащий перед ним журнал «The open road», издаваемый в Англии Даниэлем и попросил меня прочесть несколько слов. Но я в то время еще мало знала английский язык и читала плохо.

Вскоре мы уехали. Яснополянские лошади отвезли нас на станцию Козловка Засека, где мы и сели на поезд.

* * *

Мы часто видели Льва Николаевича, иногда он приезжал к Чертковым верхом, но чаще мы сами ездили в Ясную Поляну. Эти поездки как-то спутались у меня в голове, но отдельные эпизоды я помню.

Однажды на масленицу мы все были приглашены в Я. П. слушать приехавших из Тулы музыкантов.

В большом зале, где стояли два рояля, собралось много народу; приехали музыканты, но разговор не завязывался. Все ждали Льва Николаевича. Наконец он появился из двери в гостиную в серой своей кацавечке на плечах и показался мне таким худым и сгорбленным.

— Где же ваши родители? — спросил он у меня.

Я сказала, что они приедут позже.

Во время концерта он сидел в своем кресле у двери в гостиную и внимательно слушал музыку. Играли, насколько я помню, Чайковского.

Когда концерт был кончен, все окружили Льва Николаевича. Подошла и мама и подвела меня.

— Вот, Лев Николаевич, — сказала она. — Представьте себе, моя дочь с детства пишет. Я всегда говорю ей, что ей еще рано писать. Не правда ли, Лев Николаевич, в ее возрасте надо набираться жизненных впечатлений, установить свое мировоззрение, а потом уже...

— А что она пишет? — спросил Лев Николаевич, а я в это время готова была провалиться от конфуза и досады.

— Она пишет стихи.

— Стихи? Ах, как нехорошо, нехорошо! — сказал Лев Николаевич и по-